

ЕЩЕ РАЗ О ФИЛОСОФИИ И О МНОГОМ ДРУГОМ (ИНТЕРВЬЮ Ю.М. РЕЗНИКА С ПРОФЕССОРОМ А.П. ОГУРЦОВЫМ, 2 ИЮНЯ 2009 г.)

Уважаемый Александр Павлович! Несколько лет назад я уже брал у Вас интервью. Но жизнь продолжается и мне бы хотелось узнать о Ваших новых идеях и настроениях.

Ю.М. Резник

О философии, ее стиле, предмете и назначении

Ю.М.: Александр Павлович! Начнем с любимого нами предмета — философии. Первый вопрос будет о стиле философствования. Об этом пишет сейчас А.Л. Никифоров. Как известно, он выделяет рациональный и литературный, а также синтаксический стиль философствования. Как бы Вы определили свой стиль? Аналитический, метафорический, дискурсивный или какой-то другой? Я их перечисляю без определенного порядка.

А.П.: Ну для начала я бы не противопоставлял аналитический стиль дискурсивному. Метафорический стиль, на мой взгляд, ближе к искусству. Вы правильно говорите о метафоричности стиля Н.А.Бердяева, но от меня это далековато. Я бы назвал свой стиль аналитико-дискурсивным, т.е. ориентированным на целостное постижение рассуждения, которое вместе с тем не может быть постигнуто вне аналитичности.

Ю.М.: А ведь некоторые исследователи на этом основании Бердяева считают не-философом.

А.П.: Я так не считаю. Наоборот, это один из уникальных философов России и причем очень яркий. В нашей отечественной литературе примером метафоричности стиля могут служить книги о постмодернизме в архитектуре. Я читаю их взахлеб и ссылаясь на них неоднократно.

Еще раз повторяю, аналитический стиль я бы не стал противопоставлять дискурсивному, так как любая аналитичность предполагает дискурс или восприятие и постижение целостной структуры или текста, или беседы, а также обмен мнениями между собеседниками, каждый из которых выступает в защиту своей позиции, и беседа, тем не менее, образует целостную речевую структуру.

Так, Венский кружок логического эмпиризма ограничивался высказываниями, изолированными и от контекста беседы, и от самой беседы. Г.Г. Шпет ограничил философию языка анализом слова: для него слово — основное понятие, оно есть концентрация смысла. Венский кружок представил структуру научного рассуждения в виде атомов-пропозиций. Для них фраза, или пропозиция, концентрация смысла, возникающая на основе нейтрального протокольного языка. Изначально научное рассуждение представлено в некоем целостном дискурсе, который, конечно, можно препарировать в совокупность атомарных высказываний. Осмысление любого дис-

курса требует аналитичности, но всегда нужно иметь в виду его целостность. Без этого нельзя представить себе, что такое дискурс. Но к слову и к высказыванию (позиции) нельзя сводить дискурс, он требует целостности и обладает некоторыми структурными характеристиками. Так что я не противопоставлял бы одно другому.

Ю.М.: *По мере того, как постмодернизм проник в нашу философскую среду, стали говорить о «смерти автора». Согласны ли Вы с этим. И насколько Ваши собственные тексты являются авторскими и в них выражено Ваше авторское начало?*

А.П.: Не думаю, что идея смерти автора справедлива и имеет какие-то перспективы. Конечно, в современной массовой культуре проблема авторства стала весьма острой. Наука стала также Большой наукой, практически массовым производством. С этим, очевидно, связаны такие явления, как большое число соавторов в исследованиях по физике, космологии и т.д.

Что же касается меня, то все мои статьи – авторские. Они отличаются авторской позицией, хотя она нередко скрыта за историко-философским изложением. В таком изложении историко-философских позиций надо увидеть мое «препарирование» истории философии, авторскую интенцию, проведенную на историко-философском материале. Другой человек, с другой интенцией, может препарировать историю философии иначе, увидеть в ней иного рода подходы и ракурсы.

Так, в статье, которую я отдал в Ваш журнал, меня интересует судьба идеи вероятности, как она воспринималась, начиная с античности, в Новое время. Стало предрассудком то, что вся классическая физика предполагает и основывается на лапласовском детерминизме. Но сам Лаплас был автором «Опыта философии теории вероятностей», где уже в самом начале книги подчеркивал, что, если допустить абсолютного наблюдателя, или Бога, то для него знание будет детерминированным, а не вероятностным. Человеческое знание вероятностно, поскольку способности человека ограничены. Возникновение теории вероятностей (Паскаль, Лаплас и др.) привело к иной трактовке знания: его регулятивной идеей стала не идея истины, а идея правдоподобности, которая усиливалась с каждым новым шагом научных исканий. Некоторые считают, что теория вероятности – это область математики. С аксиоматизацией теории вероятности А.Н. Колмогоровым, она действительно стала математической теорией. Другие полагают, что это область естествознания (например, Р. фон Мизес). Но для меня существенно то, что вместе с теорией вероятности (независимо от того, как ее понимать – то ли как математическую теорию, то ли как область естествознания) существуют и ее философское осмысление. Хочу обратить внимание на то, что курс математики, который написан рядом авторов под псевдонимом Никола Бурбаки, не включил в себя ряд классических разделов математики. Дьедонне – руководитель авторского коллектива, который после распада последнего вынужден был признать, что понятие «математическая структура» – исходное понятие при осмыслении организации всего математического знания – не в состоянии включить в себя ряд разделов математики, в том числе теорию вероятности. Ее переосмысление с помощью понятия «мера» также не релевантно.

Ю.М.: *Вы сказали о конфликтах между философскими системами. Насколько конфликты являются источниками развития философского знания, с Вашей точки зрения?*

А.П.: Конфликтам (лучше сказать взаимным дискуссиям) уделяется мало внимания. Так, историко-философские реконструкции оставляют без внимания рецензии одного философа на работы другого. Фихте рецензировал Канта, который в свою очередь полемизировал с Фихте. Э. Кассирер полемизировал с М. Хайдеггером в Давосе.

Ю.М.: Так же вел себя и Хайдеггер, да и Хабермас с Луманом спорил в свое время.

А.П.: Конечно. Дальше происходит следующее. Когда смотришь на понятие вероятного знания у Аристотеля, то оно совершенно другое, чем у Платона и Сократа. Эту полемику надо знать, надо осмыслить, как один философ относится к другому, чтобы выяснить всю сложность их взаимоотношений. Это клубок взаимоотношений, конфликтов, борьбы за приоритет, за признание и, конечном счете, за истину.

Ю.М.: И вместе с тем идет развитие...

А.П.: Именно. В этих дискуссиях и идет развитие. В своей статье, которую я опубликовал в Вашем журнале, я анализирую, как интерпретировал Платон вероятность знания и как понимал его Аристотель. Эти две трактовки вероятного знания несоизмеримы и содержат совершенно противоположные мнения.

Ю.М.: Кстати, а они использовали в то время категорию «вероятность»?

А.П.: Конечно. У Аристотеля понятие вероятного знания значимо при анализе логики аргументации, диалектики, а для Платона вероятность относится не к знанию, а к мнению. У Аристотеля логика аргументации, риторика связана с топикией, то есть это – логика беседы, логика убеждения других людей в своей правоте. В такой логике аргументации, логике беседы, или топике, Аристотель фиксирует «общие места», то, что воспринимается как нечто само собой разумеющееся. То, что Э. Гуссерль считал необходимым вынести за скобки, подвергнуть феноменологической редукции, Аристотель выявлял и анализировал в качестве топосов рассуждения. Это совершенно другой ход мысли. И он объясняется тем, что Аристотель помимо логики доказательного знания впервые обратил внимание на логику коммуникации – топику.

Ю.М.: Вы сказали, что Вы больше работаете в историко-философском жанре. Так кто Вы все-таки больше: историк философии или теоретик-методолог?

А.П.: Да, я всегда привлекаю историко-философский материал. Но еще раз повторю, за реконструкцией историко-философского процесса нужно увидеть авторскую позицию. Это не просто описание истории философии, она определенным образом «препарирована». В ИИЕиТе я научился обращаться с естественнонаучным материалом. Для меня он не сам по себе интересен, а своими «привязками» к философии. Например, никто не знает, что Гамильтон в 1804 г., прочитав работу Канта «Критика чистого разума», построил обоснование алгебраической теории на основе кантова анализа времени. Алгебра для Гамильтона – это приложение чистого учения о времени как последовательности «теперь».

Существуют неявные метафизические предпосылки, которые становятся основанием для осмысления определенного материала, для построения научной теории.

Ю.М.: Теперь хочу задать вопрос о предмете философии. В предыдущей беседе я уже упоминал определение философии как способа рациональной тематизации предельных смыслов, который исключает зрительные метафоры, созерцания, догадки и прозрения. Но имеются и другие взгляды. Так, Бердяев рассматривает философию как основанную на интуиции общую ориентировку в совокупности бытия человека, творческий акт, устремленный к трансцендентному. Насколько эти подходы близки к Вашему пониманию предмета философии?

А.П.: Сразу хочу сказать, что эти два подхода не исключают друг друга. Античная философия отдавала приоритет созерцанию и умозрению. Ближневосточная культура, наоборот, предавалась вслушиванию в речи пророков. Эти же приоритеты сохра-

нились и в христианстве, коль скоро Ветхий Завет составил часть Библии. Хотя, конечно, в православии и в католицизме силен культ иконы как символического изображения сакральных сюжетов и персонажей. Такого рода ориентация различных культур позволяет понять и различия в формировании своеобразных научных дисциплин.

Так, в античной науке оптика была учением о зрении, а не анализом движения световых лучей вне и независимо от актов зрения. Этому посвящена, в частности, книга Д. Рокки «История оптики». Он анализирует историю античной оптики как историю зрительного восприятия, которое в этой культуре было фундаментальной структурой любого восприятия. Зрительное восприятие было исходным и для исследования мышления, понимаемого как умозрение, для которого характерна трактовка истины как несокрытости, т.е. как явленности божественного в феноменальном мире.

В средневековой культуре акцент делается на заветах Бога, на словах пророков, т.е. на ином органе чувств. Эти приоритеты приводят к тому, что интенсивно развиваются акустика и религиозная музыка. В новое время оптика трактуется как учение о преломлении, дифракции и интерференции света в созданных людьми технических устройствах. Такова, например, «Оптика» И. Ньютона. И когда Гете и Гегель не принимали оптику Ньютона, то это неприятие объясняется тем, что они отдавали приоритет античной оптике как физиологии зрения.

Соединение того и другого приоритета даст впоследствии неожиданное и перспективное сочетание. Античная философия как размышление о бытии отнюдь не противостоит новоевропейской метафизике как учению о сущем, как это полагал М. Хайдеггер, хотя, конечно, античные умозрения намного превосходят рассуждения новоевропейской метафизики. Не зря же А. Уайтхед называл всю историю философии комментариями к философии Платона.

Есть еще один мотив в античной философии, мимо которого прошли отечественные историки философии, а именно ее поворот к логике аргументации и к риторике. Например, что такое «категория»? По своему этимологическому смыслу это — определенное судебное решение. Иными словами, право того времени, юридические институты оказали на античную культуру и на античную мысль огромное влияние, которое еще никто не осознал в полной мере. Его влияние распространилось даже на философскую терминологию. Что такое антиномия? Ее истоки лежат в юридической практике противоборства защитника и обвинителя. Логика аргументации в юридических инстанциях, далекая от логики аксиоматико-дедуктивного рассуждения, привела к тому, что косвенное доказательство, к которому еще Аристотель относился недоверчиво, получило положительную санкцию у последующих античных логиков.

Ю.М.: *Это и есть архитектура философского дискурса. Насколько Вы разделяете взгляд, что философия есть рационализация опыта осмысления трансцендентного?*

А.П.: В истории философии и религиозного опыта давалось принципиально различные определения трансцендентного. Я не знаю, что значит трансцендентное, и что Вы имеете в виду. Так как для И. Канта это некое *X*, для Гегеля — абсолютный дух. Философия XX века вообще не допускает трансцендентность. Она исходит из имманентного включения бытия в сознание, из трактовки бытия-сознания, или сознания-бытия, где сознание образует неотъемлемую характеристику бытия. Таковы позиции М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Э.В. Ильенкова, М.К. Мамардашвили и многих других философов прошлого века. Наверное, лишь неотомизм отстаивает идею трансцендентности в ее классической трактовке.

Ю.М.: Но трансцендентное – это не просто некие чистые идеи, мировой разум, абсолютные идеи, т.е. то, что находится за пределами нашего сознания и разума.

А.П.: Да все не так просто. За пределом моего личного сознания, универсального опыта существует общественное мнение, за которым находится общественная идеология – это тоже трансцендентное. Вряд ли возможно отрицать наличие безличных, надличностных и объективных форм сознания и бытия. Утверждать же солипсистскую точку зрения ныне просто невозможно. Да и Беркли ее не утверждал. Однако в наши дни гораздо более перспективен коммуникативный подход и к сознанию, и к знанию, и к бытию.

Ю.М.: Ну такой подход «работает» больше в мире социальности и культуры, а не бытия вообще.

А.П.: Не совсем так. Я принимаю участие в социокультурном мире, но он внеположен мне. Известно, что К. Маркс говорил об экономических категориях как об объективных мыслительных формах-структурах (Gestalt). Я осознаю, что человечество в своей жизнедеятельности создало мир социальных институтов и мир культуры, в т.ч. и мир научного знания. Это как говорил К. Маркс, следуя Гегелю, всеобщий труд человеческого духа. Не просто опредмечивание человеческих способностей (мышления, воли, памяти, эмоций и т.д.), но и их отчуждение, коль скоро они предстают как автономный и независимый от нас мир науки и мир культуры. Я не могу сыграть этюды Шопена, но я их с интересом слушаю. Я не понимаю некоторые разделы математики, но осознаю, что благодаря им получены весьма нетривиальные результаты. Можно ли назвать те сегменты культуры и науки, которые мне не подвластны, трансцендентностью? Не знаю. Если их считать таковыми, то в таком случае отчужденный от меня дух является также трансцендентным. Сомневаюсь в оправданности такого отождествления.

Ю.М.: А если иметь в виду наличие «объективных мыслительных форм», которые внеположены нашему индивидуальному разуму. С этим Вы можете согласиться?

А.П.: Могу. Но, тем не менее, в этом трансцендентном мире, который создан обществом, я принимаю участие. Помимо этого существует другой трансцендентный мир, более высокий. Я не имею в виду Бога, так как я – неверующий.

Ю.М.: Вы имеете в виду космос?

А.П.: Совершенно верно. Космос враждебен человеку. Невесомость, радиация и другие характеристики создают препятствия для освоения космоса человеком и для его жизни в нем. Жизнь существует благодаря земной оболочке, благодаря удивительному, прямо-таки чудесному сочетанию физических параметров (констант и др.). Поэтому жизнь уникальна. Я вспоминаю статью отечественного астронома под названием «Мы одиноки во Вселенной». Оболочка Земли и создала возможность для появления и эволюции жизни, а сам Космос враждебен жизни.

Ю.М.: В чем, с Вашей точки зрения, состоит предназначение философа? По Бердяеву, оно заключается в постижении трансцендентного, в том, чтобы проявлять самосознание человека, его творческую роль в космосе и т.д.

А.П.: Не буду оригинальным, но скажу – в уяснении и репрезентации представлений спектра возможностей, которые могут быть актуализированы наукой, искусством и т.п. Обращусь опять-таки к античной философии. Пифагорейцы впервые столкнулись с проблемой несоизмеримости квадрата и гипотенузы треугольника. Столкнулись с проблемой иррациональных чисел. Они запретили сообщение об иррациональных числах, поскольку античная математика отдавала приоритет це-

лым рациональным числам. Само существование иррациональных чисел было первым кризисом в математике. Нужно было менять основания математики. Теэтет, который сделал известной тайну о существовании иррациональных чисел, был подвергнут ostracismu и выгнан из пифагорейского союза. Лишь в теории комплексных чисел иррациональные числа вошли в состав теории арифметики. В средние века нашли обходной путь – построение геометрической алгебры. Такого рода выявление возможностей и есть смысл существования философии. Еще один пример – из философии XX века. А. Бергсон выдвинул в качестве фундаментального понятия философии – понятие «длительность», необратимости времени. Это понятие стало весьма эффективным в последние десятилетия прошлого века, после создания И. Пригожиным синергетики – термодинамики открытых систем, где необратимость времени стала центральным понятием физико-химической теории.

Ю.М.: *Тогда получается с Ваших слов, что философия – подсобная дисциплина? Она обслуживает интересы естествознания.*

А.П.: Нет, конечно. Она оказывается средоточием нашей культуры. В нашей культуре существует масса возможностей, масса ходов, которые мы еще не прошли, которые далеки от своей актуализации.

Ю.М.: *Тогда Вы приходите к тому, что философия – это особый тип рефлексивной культуры.*

А.П.: Не люблю я слово «рефлексивный». Хочу отметить, что в советских философских словарях термин «рефлексия» относился к буржуазной философии. В «Философской энциклопедии» статья о рефлексии, написанная мною, была первой, где этот термин оценивался позитивно. Наверное, моя кандидатская диссертация была первым в то время исследованием рефлексии. Сейчас же я гораздо более критичен относительно рефлексии. Рефлексия связана со взглядом назад, с ретроспекцией, с осмыслением процессов, уже произошедших. Такова интерпретация рефлексии в классической философии, которая, как я говорил, связана преимущественно со зрительно-световыми метафорами.

В XX веке на первый план выдвинулись иные когнитивные процессы – понимание, проект и тематизация. Понимание – ядро философии В. Дильтея, проект – ядро философии Ж.-П. Сартра. Тематизация, объединяющая в себе и зрительные, и слуховые метафоры, была проанализирована в феноменологии позднего Э. Гуссерля. Одновременно это те новые возможности, которые были выявлены философией, и затем стали инструментариями анализа науки и техники. Да и сама мысль стала трактоваться как определенное рода проект.

Ю.М.: *Это серьезный довод. Вы хотите сказать, что философия – это есть осмысления не только того, что есть, но и того, что будет или того, что может быть в современной культуре?*

А.П.: То, что может быть. Рефлексия всегда ретроспективна, всегда имеет в виду то, что уже было в прошлом. Не зря же Гегель – основной представитель философии рефлексии говорил о том, что «Сова Минервы вылетает в полночь», т.е. мудрость возникает тогда, когда день уже прошел.

О взаимоотношении философии с государством и рынком

Ю.М.: *Как Вы относитесь к тому, что философия и философы обязаны сохранять свою автономию по отношению к государству?*

А.П.: Отношусь к этому совершенно однозначно. Философия должна быть, и является автономной относительно государства. Я напому размышления Д. Юма о том, что партийность с ее конфликтами и спорами вообще не присущи философии. Философия – это не идеология какой-то партии, пусть даже самой либеральной, хотя философы могут принимать участие в формировании программ политических партий. У философии другой смысл – постижение фундаментальных характеристик бытия-сознания, или сознания-бытия.

Ю.М.: *А как тогда преодолеть следующее противоречие: с одной стороны, философия, когда она уподобляется идеологии, как в прежние времена, служит государству, выражает интересы правящей партии и т.д., а с другой, она должна обладать автономией по отношению к ним? Чьи же интересы в таком случае она будет выражать? Вот, например, возьмите отечественную академическую философию, которая де-юре и де-факто существует внутри Академии наук как государственного учреждения, и она весьма далека от гражданского общества.*

А.П.: Поясню на примере рынка. Никто не отрицает, что существуют институты рынка. В этих институтах мы, да и вся академическая наука, не участвуем. Однако законам рынка подчинены результаты нашего труда – рукописи, аналитические записки, обзоры и т.д. Как говорил А.С. Пушкин, «не продается вдохновение, но можно рукопись продать». Во всякой рыночной экономике существуют противоречие между тем, что производится на перспективу и тем, что сегодня считается производительным трудом? Его описал К. Маркс в своей теории прибавочной стоимости. С точки зрения роста прибавочной стоимости «здесь» и «сейчас» академическая наука вряд ли производительна. Но с точки зрения получения прибыли в перспективе, даже в среднесрочной и долговременной перспективе она производительна.

Поэтому академическая наука, и философия, в частности, нуждаются в государственном финансировании. Ориентировать академическую науку на немедленное получение прибыли означает ее разрушить. Я могу напомнить ту реформу немецкого университетского образования, которую предложил В. Гумбольдт. Среди ее принципов – автономия университетов, их государственное финансирование, распределением средств по факультетам занимается университетский совет, независимый от государственных институтов, развитие научных исследований в университетах. Эта реформа обеспечила первенство Германии в развитии теоретической науки («чистой» математики, теоретической химии и физики др.). В России же утвердилась позиция государства, которая оказалась разрушительной для существования философии и науки: разрушена так называемая ведомственная наука, подавлены исследовательские организации в университетах и от академической науки требуют теперь немедленной отдачи, что противоречит ее приоритетам.

Ю.М.: *Я не совсем согласен с Вами, что философия живет по законам рынка, пусть даже долгосрочного действия. Мне представляется, что характерно в большей степени для фундаментальной науки. Но возьмем две антиномии: «философия – государство», «философия – рынок». Зачем философия нужна государству и рынку?*

А.П.: Да. Это две антиномии, в которых уже давно живет философия. На первую часть вопроса ответ однозначен. Философия не нужна государству. Если она нужна государству, то ждите ее превращения в идеологию. Ситуация с рынком более сложная и интересная. Почему? Наука с ее риском, ответственностью, непредвиденностью результатов оказывается весьма близкой и релевантной рыночной эко-

номике. Ведь и в ней требуется риск, ответственность, изобретательность, социальное признание результатов моего труда.

Ю.М.: *Но согласитесь с тем, что государство (а точнее — правящая верхушка, политический класс) выступает основным заказчиком и философии, и научного знания. Какую философию оно востребует и востребует ли вообще, если она претендует на автономный статус?*

А.П.: Да, государство выступает в качестве инстанции, которая оплачивает труд научных работников, в том числе и философов.

Ю.М.: *А зачем ему тогда оплачивать их труд, если они не выполняют его заказ?*

А.П.: Не надо смешивать два вопроса: кому нужна философия и как она институционально устроена. Она нужна обществу, которое нуждается в самоописании и самосознании. Но устроена она по-старому. Отечественная академическая философия (как и наука) организована как феодальная система. Я имею в виду не только авторитарность ее управленческих структур, но и пожизненные привилегии, которые напоминают во многом феодальные привилегии. Да и вся политическая структура России авторитарна, бюрократична, враждебна любой инициативе снизу.

Ю.М.: *А где-то она бывает не авторитарной, если взять постсоветские страны?*

А.П.: Естественно.

Ю.М.: *Или вопрос все-таки в степени авторитарности и феодальности?*

А.П.: Все дело в том, каковы функции человека, руководящего государством? Они могут быть резко сужены, но, во всяком случае, не столь широки, как у нас. Один, совсем недавний пример. На вывеске нашего института появилась надпись «Государственное учреждение». Все из-за того, что поменяли Устав РАН, которое стала федеральным государственным учреждением, поскольку она финансируется государством. Но с какой стати? Всегда Академия была автономной организацией, начиная с Петра I — самого, кстати сказать, авторитарного руководителя российского государства. Как совместить эти два принципа — принципы управления государственным учреждением и начала самоуправления и академических свобод, которые всегда были в академической науке? Они не совместимы, или совместимы лишь на словах. Ведь в принципах управления этими двумя способами организации заключено очевидное противоречие. Одни авторитарны, другие — более или менее демократичны. Авторитарность управления не допускает общего собрания, автономности управленческих инстанций Академии. Следующий шаг, который логически вытекает из данной ситуации — назначение государством Президента и всего Президиума РАН. А как еще иначе. Надо назначать, как и во всех государственных организациях. Но причем тут тогда академические свободы?

Ю.М.: *Так оно и происходит сегодня. Еще недавно шел разговор о переименовании Российской академии наук (РАН) в Государственную Академию наук (ГАН). Но большая феодальная система (авторитарное государство) порождает подобные ей малые феодальные структуры с их пожизненными привилегиями, отсутствием реальных выборов и т.п. Возьмем, к примеру, институт избранных членов Академии. Он существует как «государство в государстве». Ведь мы — рядовые члены огромного научного коллектива Академии наук — не принимаем практически никакого участия в решении принципиальных вопросов академической жизни. За нас принимают решения «избранные». Да и к их выборам мы не имеем прямого отношения. Они сами себя выбирают.*

А.П.: Совершенно точно. Это, конечно, феодальная система. Хотя государство терпеть не может Академии науки, но подобное порождается подобным. Изнутри же Академии ситуация усугубляется еще и тем, что сообщество член-корргов и академиков не продуктивно в научном плане. Они фактически получают ренты за звание, директорство и пр. К тому же сообщаемые данные о зарплатах научных сотрудников не соответствует реальности. Они гораздо меньше.

Ю.М.: *Не значит ли это, что мы платим за них трудом, который оплачивается лишь частично?*

А.П.: Совершенно верно. Своей работой мы делаем работу и за них.

Ю.М.: *Мне кажется, мы переходим запретную черту. Во всяком случае, мой внутренний цензор об этом начинает сигнализировать. Не боитесь ли Вы грозного окрика на наше с Вами интервью, к примеру, директора нашего института, других академиков или более высокого начальства?*

А.П.: К счастью, наш директор – не Иван Грозный.

Ю.М.: Но, тем не менее, он может не разделять этих взглядов.

А.П.: Конечно, может.

Ю.М.: *Но безотносительно к конкретным лицам, которых мы, безусловно, с Вами уважаем, мы говорим о том, что в Академии наук существует группа академиков и член-корргов, которые придерживаются другого мнения, потому что им удобно и выгодно получать эти привилегии.*

А.П.: Я это прекрасно понимаю.

Возможна ли демократическая реформа в Академии наук?

Ю.М.: *И после того, что Вы мне сказали, Вы продолжаете верить в необходимость или возможность реформы в Академии наук?*

А.П.: То, что Академия наук нуждается в реформах, очевидно. Но я боюсь, что реформы, проводимые авторитарным образом, в авторитарной системе политического управления, приведут лишь к усилению авторитаризма. Авторитарная власть «подтягивает» те сегменты социокультурной жизни, которые еще не целиком оказались во власти авторитаризма, до полного искоренения каких-либо демократических начал и подчинения авторитарным инстанциям. Поэтому я не верю в действенность любых реформ, проводимых сверху авторитарным образом. Боюсь, что вряд ли мы будем с Вами свидетелями роста демократической системы управления в РАН, и тем более во всей стране. Авторитарность системы управления вряд ли устранима в ближайшие десятилетия, потому что она стала, во-первых, уже традицией (наверное, советской традицией), во-вторых, руководящую и направляющую роль в жизни академического сообщества играют, насколько я понимаю, шесть тысяч человек член-корргов и академиков, которые не заинтересованы в каких-либо изменениях. При этом не могу сказать, что все они – элита академического сообщества, но то, что являются научной и управленческой интеллигенцией, несомненно. Вина советской власти в том, что многие руководители прикладных разработок, преимущественно из НИИ министерства среднего машиностроения, получили звания академиков и член-корргов совсем не за научные заслуги.

Ю.М.: *Итак, Вы считает, что мобилизационная политика в стране и в самой науке еще не закончилась?*

А.П.: Она только начинается.

Ю.М.: *Теперь она идет под флагом модернизации. Может потому и оказалась столь востребована?*

А.П.: Вопрос в том, чего она может достичь. Сегодня Россия по всем показателям, в том числе и по индикаторам науки и образованности спускается все ниже и ниже.

Ю.М.: *А если бы Вам предложили высказать свои идеи по реформированию Академии наук, что бы Вы сделали в первую очередь? Устранили бы институт избранных членов Академии или его преобразовали? Каким образом Вы поступили, если бы дали позицию эксперта.*

А.П.: Во-первых, я бы поставил жесткие условия. Человек, занимающий пост академика или член-корр должен выдвинуть какую-нибудь идею за год, имеющую фундаментальное или прикладное значение.

Ю.М.: *А кто будет в составе комиссии, которая определит, что и как он сделал?*

А.П.: Это будет видно. Если будут идеи прикладного характера или с возможностью приложения, тогда будет видно. А пока это все разговоры.

Ю.М.: *Продолжаем идею преобразования Академии.*

А.П.: Во-вторых, я бы изменил структуру академических институтов. Сделал бы акцент на временных научных группах, которые самоорганизуются на время исследования той или иной проблемы. После этого они распускаются вплоть до самоорганизации новой исследовательской группы. Нынешняя структура академических институтов напоминает жесткую иерархическую и кристаллическую структуру, не подвластную каким-либо изменениям. Думаю, что система конкурсов, принятая в двух научных фондах – РФФИ и РГНФ, хотя она и имеет свои изъяны, гораздо более эффективна и для академических институтов.

Ю.М.: *Кстати, у Вас есть единомышленники. Недавно профессор П.К. Гречко давал мне интервью и предложил вариант организации академической науки, который прижился во Франции. Как известно, у них существует Национальный центр фундаментальных исследований, и его сотрудники обязаны каждый раз участвовать в определенных конкурсах, выигрывать их, так как их зарплата привязана к этим конкурсам, программам, грантам. У нас же все происходит наоборот. Он утверждает, что если бы мы применили у себя систему конкурсного отбора, то тогда половина академиков осталась бы без зарплаты, так как они не смогли бы подтвердить свой статус. С Вашей точки зрения, это утверждение близко к истине?*

А.П.: Я думаю, что в этом есть смысл. Насколько я знаю, Парижская Академия наук возникла, как королевское учреждение и финансировалось он королем. Действительно роль французского государства не менее важна, чем у нас: оно является финансистом, обеспечивает руководство и управление научными исследованиями, но система организации науки во Франции не ограничивается грантами и государственными программами, существует также прямая финансовая поддержка научных учреждений. Я не знаю, берут ли налоги во Франции с грантов, и каковы они. У нас же и суммы грантов невелики, да и налоги съедают больше их половины.

Сугубо биографическое. Об одной примечательной истории

Ю.М.: *Александр Павлович! А что это за история была с главным редактором журнала «Вопросы философии» акад. М.Б. Митиным? Вы как-то о ней упоминали.*

А.П.: Однажды, работая в журнале «Вопросы философии», ко мне на первый этаж, где располагалась редакция, подошел Э.В. Ильенков и сообщил, что из ста-

линских лагерей вышла вдова Я. Стэна — известного довоенного философа. Он написал статью в «Большую Советскую энциклопедию» «Философия». Сохранились контрольные экземпляры этого тома с его подписью под этой статьей. Но в свет вышел том с подписью М.Б. Митина под этой статьей. Надо сказать, что Я. Стэн открыто критиковал Сталина. Вся «авторская» работа Митина заключалась во вставке цитат из работ Сталина и в написании восторженных оценок вклада Сталина в марксистско-ленинскую философию. Еще один сигнальный экземпляр этого тома был показан нам Шаумяном — тогдашним главным редактором издательства «Советская Энциклопедия».

В партгруппе журнала, в которую входил М.Б. Митин, было заведено партийное дело о плагиате, создана комиссия, в которую входили В.Н. Садовский, Е.Т. Фаддеев и я. Мы попытались определить, кто получил деньги за эту статью, но увы бухгалтерские документы того времени не сохранились. В.Н. Садовский обнаружил в архиве Президиума АН СССР опись статей М.Б. Митина, написанный и подписанный им в связи с избранием в члены-корреспонденты. Надо сказать, что в предисловии к своей книге «Боевые вопросы материалистической диалектики» М.Б. Митин обвиняет Стэна в том, что он японский и германский шпион. Кстати, предисловие было подписано 14 сентября 1936 г., когда Стэн еще был под следствием.

На комиссии мы пришли к выводу, что надо собирать партийное собрание и выносить какое-то взыскание Митину. На собрании я его спрашивал, на основании чего он объявил Стэна шпионом. М.Б. Митин, выступая на собрании, сыпал угрозами в наш адрес, что он кандидат в члены ЦК КПСС не позволит и пр., пр. Мы были так поражены его угрозами, что в итоге партийное собрание проголосовало за его исключение из партии. Нам «выламывали руки», доказывая, что нельзя исключать Митина. Но из кандидатов ЦК КПСС его все же вывели. После некоторого времени на его место в журнале «Вопросы философии» пришел Иван Тимофеевич Фролов. После этого Митин стал возглавлять отдел по идеологической борьбе, не зная ни иностранных языков, ни философии.

Ю.М.: *Но ведь история на этом не закончилась? Вас ведь тоже исключали из партии. Как это произошло?*

А.П.: В то время я уже ушел из «Вопросов философии» к Ю.А. Замошкину в Институт международного рабочего движения. Институт был довольно таки либеральным. Я работал в отделе социологии, делал обзор работ Л. Альтюссера и т.п. Претензий по выполнению плана исследовательской работы ко мне не было. В январе 1968 г. я подписал письмо в защиту арестованных А. Галанскова, А. Гинзбурга и др. Подписалось под этим письмом более тысячи человек.

Ю.М.: *И всех исключили?*

А.П.: Тех, кто был членом партии, всех исключили: Г.П. Щедровицкий, И.А. Алексеев, П.П. Гайденко, Ю.А. Давыдов, в т.ч. и В.С. Степин. Подписалось довольно много людей. Это была весьма убедительная акция.

Ю.М.: *А в чем же обвиняли этих людей?*

А.П.: В антисоветской пропаганде. Они подготовили и издали белую книгу о процессах А.Д. Синяевского и Ю. Даниэля.

Ю.М.: *Это что же были хрущевские репрессии? Об этом мне говорил в своем интервью Б.Г. Юдин.*

А.П.: Нет, уже брежневские.

Ю.М.: *То есть это уже третий этап репрессий. Эрик Юдин пострадал от хрущевских репрессий, а это уже значит следующий этап.*

А.П.: Да. В итоге меня выгнали и из партии, и уволили с работы. Так я оказался в Советской социологической ассоциации – объединении социологов СССР. Через моих друзей, прежде всего, с помощью И. Блауберга, моей тогдашней жены – Н.Ф. Наумовой, которая работала в ИКСИ, мне предлагали работу над социологическим словарем, но работу внештатную. Через года полтора я подготовил 1200 страниц этого словаря, но он так и не вышел. Работал я тогда уже в секторе «История социологии», который возглавлял И.С.Кон. Принес рукопись и ушел в Институт истории естествознания и техники.

Ю.М.: *Сколько же Вы проработали у Кона?*

А.П.: Немного. Около шести месяцев, но успел сделать программу по истории социологии для аспирантов.

Ю.М.: *Надо же. У Вас такая богатая научная биография. И социологом Вы были. А начальство утвердило Ваш приход старшим научным сотрудником?*

А.П.: Решение было принято на Ученом совете ИИЕиТ АН СССР. И начальство, тем более партийное, ничего не могло уже сделать. Таковы достоинства автономности академических институтов, которая еще в тот период существовала.

Может быть, начальство, в т.ч. тогдашний директор ИКСИ Г.В. Осипов, и хотел вынести какие-то дисциплинарные меры относительно И.С. Кона, но были подготовлены два тома «Истории социологии». В ИКСИ работал мой друг-востоковед М. Батунский, который занимался переводами. Он знал много иностранных языков, в том числе и восточных. Батунский был рад, когда ушел из Института, хотя он и ушел в никуда, позднее уехал в Германию. Потом семнадцать лет я проработал в ИИЕиТе.

Ю.М.: *Вы там работали в секторе Кедрова?*

А.П.: Да.

Ю.М.: *Туда же, я знаю, пришел и Б.Г. Юдин. А потом Вы вместе с ним ушли в Институт философии, куда Вас пригласил собой Степин.*

А.П.: Сначала там работал Эрик Григорьевич Юдин в секторе «Системных исследований науки». С переходом в Институт философии была связана такая история: Степин стал директором Института истории естествознания и техники в последние годы перестройки. Когда ему предложили стать директором Института философии, он согласился на переход вместе с рядом сотрудников. Мы собрались дома у В.С. Степина и составили список из 13 человек, кто дал согласие на переход в ИФ РАН.

Так, был организован сектор (зав. сектором Б.Г. Юдин). Первыми итогами работы сектора была подборка статей «Наука и власть». Когда И.Т. Фролов создал Институт человека, Юдин перешел туда. По сути дела Институт человека ориентировал ученых на формирование философской антропологии и новой этики. И.Т. Фролов выступал против Лысенко после 1964 г. вместе с Б.М. Кедровым, А.А. Любищевым и др. В конце 1964 г. Кедров опубликовал статью в «Науке и жизни» с критикой агробиологии Лысенко. Журнал же «Вопросы философии» молчал, поручив подготовить статью С.Н. Микulinскому и Г.В. Платонову – двум философам-мичуринцам. Они написали статью за «синтез» генетики и мичуринской биологии. Эта статья обсуждалась на нескольких редколлегиях. В конце концов, Б.М. Кедров написал весьма резкую статью против идей Лысенко, поставив все точки над і. Тогда наступили достаточно либеральные времена, но чувствовалось, что они уже на исходе.

О статусах, которые мы не занимаем

Ю.М.: Александр Павлович, а почему Вы так и не стали профессором? По чисто формальным соображениям или по каким-то другим причинам?

А.П.: На самом деле мне просто не хватает того определенного числа аспирантов, необходимых по требованиям ВАКа. Таковы сугубо формальные причины. Хотя за ними скрываются реальные трудности в подготовке научной смены в системе РАН, возникшие в на рубеже XX и XXI вв. Меня почему-то считают профессором. Мой аспирант Григорий Гутнер остался работать в ИФ РАН, защитив сначала кандидатскую, а затем и докторскую диссертации.

Ю.М.: И Вам нужно всего лишь пять аспирантов, чтобы упрочить свой статус?

А.П.: Да. Но я не люблю все эти процедуры, которые нужно проходить, что-то кому-то доказывать...

Ю.М.: По этой же самой причине Вы не стали и Заслуженным деятелем науки?! Но я уверен, что Ученый совет Института Вас поддержал бы. Вас давно знают и ценят в философском сообществе.

А.П.: Да, наверно. Просто жаль тратить на это время.

Ю.М.: Сейчас перед этой же дилеммой встали и другие наши коллеги. Им говорят, что надо оформлять бумаги, а они не хотят этим заниматься. Меня поражает то, что в регионах эти регалии и звания получить значительно проще. И десятки, если не сотни, людей, которых Вы даже не знаете, являются Заслуженными деятелями науки, высшей школы, культуры и пр. Они имеют ордена и другие почести, потому что сами этим долго и упорно занимаются. И вот всем нам известные философы Межуев и Огурцов таких званий и наград не имеют только потому, что не добиваются этого сами. Но это же ненормально, когда в нашем сообществе столь заслуженных людей не ценят по достоинству и не могут избавить от унижительных бюрократических процедур, чтобы воздать им должное. При этом некоторые наши коллеги по профессиональному цеху, не имеющие серьезных научных заслуг, получают все новые ордена и почетные звания. Это, к сожалению, бросает тень на нашу философию и науку.

А.П.: И на все гуманитарное знание. Такие же проблемы и в социологии, и в востоковедении и т.д. Люди, которые занимают какие-то организационные должности, становятся членами-корреспондентами или академиками РАН. Никаких преград у них нет. Мнение научной общественности игнорируется. Очевидно, нужно кататься на горных лыжах, чтобы получать такого рода привилегии.

Ю.М.: Вы знаете, что в РАН имеются люди, которые получают академические регалии не по своим научным заслугам и достоинствам, а по другим основаниям. Скажите, пожалуйста, это явление присуще только России или и в других странах имеют место привилегии и преференции для отдельных, например, начальствующих лиц?

А.П.: Я знаю, что звание академика есть во Франции, а в Германии — нет, в Англии же это — член Королевского общества. Думаю, что это неравно нашему академику. У нас имеются некоторые привилегии, которых там нет. К тому же у наших академиков привилегий больше, чем где-либо, и этот рост привилегий усиливается, превращаясь в пожизненное звание. Обратите внимание на такую вещь, что 98% член-корроров и академиков — это люди моего возраста и намного старше. Почти все они занимают должности директоров институтов, ректоров вузов, заведующих отделами.

Ю.М.: Вы знаете, что многие наши коллеги, желая получить себе солидную прибавку к зарплате и другие привилегии, неустанно стремятся попасть в число избран-

ных в Академию. А почему Вы, Александр Павлович, не один из них? Ведь по всем своим фундаментальным работам и научным заслугам Вы давно должны быть там.

А.П.: Наверное, это не главное для меня.

Ю.М.: Но неужели ситуация так безнадежна и никогда не изменится, поскольку мы находимся в определенной системе координат и нам приходится играть по правилам, придуманным, увы, не нами? Кто для Вас является примером настоящих академических ученых?

А.П.: Нет, конечно. Были и есть среди академиков настоящие ученые. Так, я знал несколько человек, которые заслуженно были и член-коррами, и академиками, например, Сергея Сергеевича Аверинцева, Вячеслава Всеволодовича Иванова, некоторых «естественников». Еще мне нравится С.Э. Шноль – биофизик. Был также знаком с Николаем Владимировичем Тимофеевым-Ресовским, не член-корром., не академиком. Так, Шноль – человек, понимающий суть дела с ходу. Знал массу людей, которые интересны и сами по себе, и своими рассуждениями, и размышлениями.

Никогда не забуду разговор в ИИЕиТ относительно проблемы времени в биологии. Вспоминаю свою первую встречу с Тимофеевым-Ресовским. В 1964 г. Н.В. Мотрошилова повезла нас в Обнинск на конференцию. Я должен был там выступать последним с докладом «Хайдеггер об античной философии». Понятно, что Хайдеггер там слушателей не очень-то интересовал. Вдруг, во время моего выступления в зал входит группа людей, впереди идет высокий человек с орлиным носом, а за ним Николай Воронцов, которого я уже знал, так как вместе с ним оказались в больнице. Мое тогдашнее сообщение сейчас я оцениваю весьма критически. Оно было наивно и описательно. Сразу же после моего сообщения Н.В. Тимофеев-Ресовский попросил слово. Он вышел на трибуну и рассказал о своих беседах с М. Хайдеггером, в т.ч. и об античной философии. Это было очень интересно и по существу. В конце своего выступления он достал из кармана портсигар и сказал: «Этот портсигар мне подарил Хайдеггер». Его рассказ об отношении Хайдеггера к античной философии произвел на присутствующих и меня огромное впечатление. Он был просто блестящим. Мое же сообщение явно проигрывало по сравнению с ним.

Но наша история на этом не заканчивается. Мы собираемся уже уезжать в Москву и в этот момент подходит ко мне Н.В. Мотрошилова и сообщает, что мы не сможем уехать до тех пор, пока не напишем объяснительную записку о выступлении Тимофеева-Ресовского, почему он пришел на эту конференцию, что он говорил, кто допустил его на трибуну и кто дал ему отпор. Это было требование Калужского обкома КПСС, которому подчинялся Обнинск. В итоге она сама написала эту объяснительную записку, которая, наверное, хранится где-то в архиве или в Обнинске, или в Калуге. Ясно, что за группой Тимофеева-Ресовского был тогда гебистский надзор и усиленная слежка.

Ю.М.: А что, он уже тогда был в диссидентах?

А.П.: Нет, но его захватило КГБ как невозвращенца из Германии, где он работал над проблемами радиационной генетики. Просидев в советских лагерях, он переехал вместе с женой в Обнинск. Ему не давали работать, так как он эмигрировал в Германию. Но ему удалось сохранить советский загранпаспорт до 1945 г. Его сын участвовал в движении Сопrotивления и погиб. Николай Владимирович был удивительным человеком. Потом я встретился с ним в ИИЕТе, где он рассказывал о проблеме времени в биологии. Его выступление было напечатано в «Системных исследованиях».

Роли и люди, которых мы не всегда выбираем

Ю.М.: *Постепенно мы подходим к вопросу о том, почему Вы считаете себя одиночкой в философском сообществе? Об этом Вы мне говорили раньше, когда мы обсуждали проблему научных школ.*

А.П.: Да, в одном интервью я говорил, что у меня были друзья, с которыми я был связан, и поэтому не считал тогда себя одиночкой. Но получилось так, что многие друзья уже умерли, даже те, кто был моложе меня. Сейчас уже ощущаешь пустоту вокруг себя.

Ю.М.: *Но есть же Межуев, Мотрошилова, Соловьев и другие Ваши сверстники? Они работают вместе с Вами в Институте философии. Что мешает Вам и дальше укреплять сотрудничество?*

А.П.: Да, конечно. Но это уже отдельный разговор, хотя в принципе мы были друзьями в свое время. С некоторыми коллегами до сих пор сохранились дружеские отношения. Так, я считаю своим другом Э.Ю. Соловьева. Когда я работал в РГНФ, то предложил ему подать заявку на исследование проблем права и морали у И. Канта. Прошло три года, и он сделал первую книгу о Канте.

Ю.М.: *А что же случилось, почему Ваши дороги разошлись с некоторыми коллегами?*

А.П.: Да собственно ничего и не случилось, наши жизненные пути разошлись и все. А сейчас мы просто сохраняем нормальные отношения. Причем между нами не было никаких скандалов и конфликтов.

Ю.М.: *То есть основная причина образовавшегося вокруг Вас вакуума состоит в том, что многие люди, с которыми Вы работали и дружили, ушли из жизни, а их место оказалось пусто? Все-таки незаменимые люди бывают.*

А.П.: К сожалению, да. Мой друг Эрик Юдин, работавший в издательстве «Советская энциклопедия», к сожалению, умер. Но там остался Ю.Н. Попов, который теперь возглавляет редакцию философии в издательстве Российской энциклопедии.

Ю.М.: *А в институте с кем Вы по-прежнему поддерживаете постоянные дружеские и профессиональные отношения? Кого Вы считаете своей референтной группой?*

А.П.: Да сразу так и не могу сказать. Никогда об этом не задумывался.

Ю.М.: *Вы руководите сектором. У Вас есть свой научный коллектив. Удалось ли Вам сколотить команду, группу единомышленников?*

А.П.: Не удалось, потому что все среднее поколение, кроме Г. Гутнера, ушли в какие-то другие области гуманитарного знания. Да и интересы у членов моего коллектива оказались слишком разные. Меня интересовало несколько другое. Последний, кто остался – В.М. Розин. Он – близкий мне человек по некоторым идеям, анализу процедур научного знания на материале естествознания, математики.

Ю.М.: *Но ведь Розин – «многостаночник» в хорошем смысле этого слова. Он занимается не только философией, но и другими направлениями – культурологией, социологией и пр.*

А.П.: Да. Он много пишет на разные темы. Хочу также выделить Ю.В. Сачкова, с которым я знаком где-то с 1959 г. Это интересный человек, с хорошими идеями. Меня интересуют те вещи, которые уже давно интересуют его пробабилем, вероятностное миропонимание. В этой области выходы в сферу естествознания очень большие. Например, появилась теория колебаний, где Андронов, Мандельштам создали свои научные школы). По некоторым жизненным обстоятельствам я оказался в Институте естествознания и техники. Там было много толковых людей.

Не подводя итоги

Ю.М.: *В наше время все так изменчиво. И все-таки, какая-то магистральная цель в жизни у Вас осталась, которой Вы не изменяете на протяжении последних 40-50 лет, с тех пор как пришли в философию? Что Вам дает силы?*

А.П.: Не знаю, что дает мне силы. Понимаю, что где-то поблизости смерть. В 1999 г. я сделал операцию на сердце. Подготовил монографию, где собрал уже опубликованные тексты и новые, собрал по единому плану, причем старые тексты не потребовали каких-то радикальных изменений.

Ю.М.: *А ссылки будете делать, где это печаталось?*

А.П.: Будут в конце в качестве примечаний указания на место и год публикации.

Ю.М.: *Каково название книги?*

А.П.: «Философия науки в XX веке: смена подходов и проблем».

Ю.М.: *А какая там преимущественная проблематика?*

А.П.: Философские концепции исследования науки. Я уже опубликовал книги «Философия науки эпохи Просвещения» и «От натурфилософии к теории науки». Напечатал большую статью о концепциях науки в первой половине XIX века. Теперь надо готовить статью о концепциях науки во второй половине XIX века.

Ю.М.: *Итак, пора ли уже подводить итоги? И как это интересно профессор А.П. Огурцов сделает?*

А.П.: Конечно, надо подвести некоторые итоги. Эрик Юдин умер неожиданно, поэтому я с его братом – Борисом собрали его рукописи и подготовили книгу Э.Г. Юдина в серии «Философы России XX века». Но это уже наша организация его текстов, а не его собственная.

Ю.М.: *А Вы не хотите, чтобы о Вас была опубликована такая книга?*

А.П.: Там принят иной принцип публикации – лишь после смерти автора, когда будет осмыслен и признан его вклад в философские разработки.

Ю.М.: *Жаль, что ныне живущие не смогут узнать о том, каким был их личный вклад в развитие отечественной философии. Мне не нравится такой принцип. Надо не только чтить память ушедших, но и воздавать должное живым. Чем сегодня Вы удовлетворены, что доставляет Вам удовольствие от сделанного?*

А.П.: В начале 1970-х гг. прошлого века в разговоре с Эриком Юдиным я сказал ему, что издание «Философской энциклопедии» поднимет планку философских исследований в стране. Хотя ряд статей из ее 4-го и даже 5-го тома мне не нравились из-за своей комм-идеологичности. Эти издания, несмотря на это, задают планку общественного сознания в его отношении к философии. На протяжении своей жизни я старался не опускать планку философских исследований. Конечно, не только я, но и целая группа исследователей. Надо сказать, что работа в энциклопедиях позволила мне увидеть лакуны в наших разработках. Об этом я уже говорил при обсуждении «Новой философской энциклопедии». Эти лакуны приходилось заполнять самому. Да и приходится заполнять в «Новой российской энциклопедии», где я отвечаю за отдел философии. Так, в ней должна быть статья «Жизнь». К сожалению, редакция биологии подготовила слабую статью. Пришлось взяться за ее написание. Она далась мне с трудом. Еще с большим трудом давалась статья «Диалектика». Никто не хотел писать о диалектике. По-моему, статья получилась: она без каких-либо идеологических штампов, с трактовкой диалектики как теории дискурса. Она была принята главным редактором издания Даниловым-Данильяном, который в свое время

полемизировал со мной относительно принципа коэволюции. Считал и до сих пор считаю, что такого рода массовые издания, как разного рода энциклопедии, «задают» планку понимания философских проблем. Стараюсь, чтобы эта планка в нашей стране не упала, хотя есть ощущение, что эта планка, к громадному сожалению, снижается.

Ю.М.: Как Вы оцениваете проект Новой философской энциклопедии по сравнению со старым изданием. Мне интересно Ваше мнение как участника по этому поводу.

А.П.: В чем-то это издание лучше, чем прежде. Это – принципиально иное издание. В нем нет идеологии, которую «втаскивали» в прежнюю Энциклопедию Ф.В. Константинов и Л.Ф. Ильичев. Вспоминаю историю со статьей «Плюрализм» в «Большую Советскую Энциклопедию»: пишу об античной философии, о монадологии Лейбница, трактовке этого термина в русской философии (Б. Яковенко и др.). Поступает замечание Л.Ф. Ильичева: «А где левый и правый ревизионизм?». С какой стати он там должен быть?! Да и был ли он?

В этом смысле «Новая философская энциклопедия» была способом поднятия планки философских исследований, подведением итогов работы целого поколения философов. В ней, конечно, много изъянов, многие лакуны остались лакунами (например, итальянская философия, латиноамериканская философия и др.). Слабо представлены философские проблемы естествознания, которые достаточно интенсивно разрабатывались в советское время. Надо сказать, что далеко не всё в советской цивилизации было плохо. Была создана система организации науки, ее социальной поддержки, в т.ч. и финансовой, сформирована система подготовки научных кадров, которая сохранилась и по сию пору. Системой образования, особенно естественнонаучного и математического, можно гордиться. Конечно, гуманитарное образование было крайне идеологизированным. Но то, что в этой цивилизации всемерно поддерживалась и культивировалась ценность науки и образования, несомненно. К сожалению, непрерывные и непродуманные реформы системы образования и организации науки могут привести и привели к падению уровня и образования, и науки в нашей стране.

Ю.М.: Но Вам удалось сохранить планку философии в «Новой философской энциклопедии»? по сравнению с прежним изданием?

А.П.: Мы стремились к этому. Планка изложения философских проблем в «Новой философской энциклопедии» выше, чем в пятитомной «Философской энциклопедии». Из нее мы перепечатали пару статей – М.К. Мамардашвили, Э.Г. Юдина. В целом это издание есть шаг к новому осмыслению философских проблем, которое лишено каких-либо идеологических штампов. Главное заключается в том, что эта Энциклопедия не создает впечатления, что российские философы знают ответы на все вопросы.

Ю.М.: А почему старая энциклопедия со всеми этими идеологемами все же оказалась заметным явлением культуры, а Новая философская энциклопедия оказалась как бы в стороне от философского дискурса, и о ней не все знают?

А.П.: Во-первых, человек, который субсидировал это издание, скупил весь тираж. Тома этого издания нельзя было купить в книжных магазинах, а только в Фонде, который он возглавляет.

Во-вторых, прежняя «Философская энциклопедия» открыла для отечественных читателей целый пласт русской философии в эмиграции. Помещенные в ней статьи

о Н.А. Бердяеве, Е.В. Спекторском и других русских мыслителях были по сути дела первыми публикациями о той философии, которую в России не знали. После этого была серия книг русских философов, изданных в качестве приложения к журналу «Вопросы философии», энциклопедический словарь «Русская философия».

В-третьих, отношение к философии в России изменилось: оно стало более прагматичным. Российская читающая публика нуждается скорее в энциклопедических справках о том или ином авторе, о той или иной книге. Такого рода справки она скорее найдет на Интернетовских сайтах. Редколлегия и редакция «Новой философской энциклопедии» обсуждала вопрос о характере издания: то ли это будет глубоко справочное издание, то ли оно будет включать в себя и статьи о философских проблемах, категориях и универсалиях.

В-четвертых, планировался выпуск электронных дисков этого четырехтомного издания (это было одним из пунктов договора). Но этого до сих пор не сделано. Очевидно, поэтому это издание малоизвестно. Да и тираж «Новой философской энциклопедии» был на порядок меньше, чем тираж прежней Энциклопедии. Не все работники редакции работали столь интенсивно, как, например, А.А. Гусейнов, А.Н. Попов. Так, из первоначального списка почти в 2 тысячи философов, подготовленных в секторе «Современная западная философия», статьи о многих авторах так и не были написаны. Более того, пришлось срочно искать авторов на статьи об Э. Кассирере, Ж.-П. Сартре и др. При обсуждении этого издания в «Вопросах философии» я отмечал наличие в ней определенных лакун. Я о них говорил. Так, советская философия нуждается в большей разработке. Мною был подготовлен список советских философов, статьи о которых целесообразно поместить в этом издании. Его обсуждение на редколлегии привело к резкому сокращению этого списка. Есть, правда, «Словарь русской философии XIX – XX веков», подготовленный П. Алексеевым. Но, тем не менее, советская философия нуждалась в большем освещении в «Новой философской энциклопедии».

Ю.М.: Мы начали этот сюжет с вопроса о том, от чего сегодня Вы все-таки получаете моральное удовлетворение, а Вы снова заглянули в далекие семидесятые годы. Такое складывается ощущение, что 1980–1990-е гг. были «черной дырой» в Вашем творчестве, хотя это наверняка не так. Может у меня такое мнение сложилось чисто субъективно, но каждый раз, когда я Вас спрашиваю о настоящем, Вы опять обращаетесь к истокам либо говорите о днях настоящих. А что же было в 1980–1990-е гг.? Что вдохновляло Вас в этот период?

А.П.: Нет, у Вас сложилось превратное мнение. В 1980-1990-е гг. вышли три мои книги о дисциплинарной структуре науки, о философии науки эпохи Просвещения, о развитии философии науки от натурфилософии к теории науки. В эти годы я интенсивно занимался проблемами социологии науки. В эти же годы я поставил перед собой задачу, которую выполнил на две трети, состоящую в том, чтобы осмыслить теоретико-методологические концепции науки, прежде всего естествознания, как в философии, так и в самой науке. Эту задачу я постепенно выполняю. Не знаю, успею ли ее выполнить в полной мере.

Я начал с анализа философии науки XVIII века. Особенно меня интересовал период Великой Французской революции. Отношение идеологов революции четко выразилось в словах одного из них: «Республика не нуждается в ученых!» Такое отношение к ученым привело к гибели Лавуазье, Кондорсе и др., к эмиграции многих

ученых. Я не скрывал аллюзий на отношении большевистских деятелей к ученым в разные периоды советской власти. Много писал в стол, дожидаясь времени, когда можно будет опубликовать тексты. Да и текст должен был отлежаться, чтобы увидеть его изъяны. Так, я до сих пор не опубликовал текст о принципе двойственности М. Шаля – французского геометра, одного из создателей проективной геометрии. Его подход близок идеям антитетичности, которые отстаивали П.А. Флоренский и Н. Гартман. Отношение к Шалю в истории математики весьма скептическое, поскольку он не разобрался в тех подделках, которые он принял за рукописи Паскаля.

В свое время я написал статью о принципе перманентности Г. Ганкеля, который построил абстрактную теорию комплексных чисел. Все остальные теории чисел – рациональных, иррациональных и т.д. являлись лишь конкретизацией этой абстрактной теории чисел. Статью просмотрел Ф.А. Медведев – специалист по истории теории множеств, который поддержал ее. Как видите, что-то я издал из своих наработок, кое-что еще лежит для дальнейшей работы. Так, рукопись почти в три сотни страниц о концепциях науки второй половины XIX века нуждается в дальнейшей работе. А это важный период в истории естествознания – период формирования статистического миропонимания (теория эволюции Ч. Дарвина, формирование статистической физики Больцманом и др.). Мое сидение в библиотеке им. Ленина, где я читал труды К. Вейерштрасса, Г. Ганкеля, Л. Больцмана и др., привело к осознанию разнообразия философско-методологических концепций науки. Для меня стало несомненным, что они не сводятся к индуктивизму, как полагали Уэвелл и Д.С. Милль.

Теперь, когда прошло много времени, надо как-то систематизировать эти наработки, обновить их, сделать в большей мере логико-методологическими. В это же время я занимался социологией науки. Читая статьи зарубежных авторов, я нашел сноски на статью Т.И. Райнова «Волнообразные флуктуации в истории физики XVII – XIX столетия», которая была опубликована по-английски в 1929 г. в журнале «Isis». Ее называют даже в зарубежных исследованиях по социологии науки пионерской работой и по науковедению, и по социологии науки. В ней он применил теоретико-вероятностные методик расчета, предложенную Е.Е. Слуцким – создателем первого варианта аксиоматизации теории вероятностей. Никак руки не дойдут до работы в архиве Е.Е. Слуцкого, в архиве Д.Д. Мордухай-Болтовского – специалиста по истории античной и средневековой математики, переводчика «Начал» Евклида, занимавшегося еще до А. Тарского проблемами металогик и метаматематики. Когда я работал в РГНФ, попросил А. Родина подготовить к изданию его рукописи по металогике и метаматематике. К сожалению, архив РАН в Санкт-Петербурге не разрешил ему работать в архиве Мордухай-Болтовского, и он вынужден был подготовить сборник его ранее напечатанных статей.

Философия – дело профессионалов

Ю.М.: Вы говорили об удержании планки развития философии. Не опустить планку – это было Вашей главной заботой еще при подготовке первой энциклопедии. Но Вы знаете, что происходит сегодня в России с философским сообществом. Как Вы считаете, удастся ли удержать профессиональную планку в сегодняшних условиях или профессионалов в философии становится все меньше и меньше?

А.П.: Боюсь, что эту планку уже не удержать, она пошла вниз. И я могу сказать,

почему. Один из индикаторов этого падения планки – повальное увлечение постмодернизмом – одной из версий критики рационализма. Во французском постмодернизме были талантливые философы. Например, Ж. Деррида. Но основной мотив постмодернизма – противостоять рационализму, который назван логоцентризмом. Постмодернизм проник даже в историю естествознания и историю математики. Конечно, наука нашего века весьма своеобразна. Теоретические разработки, например, в современной космологии, как бы висят в невесомости, не сопровождаясь обоснованием в экспериментальных исследованиях. Они или слишком дороги, или просто не выполнимы. Нередко вокруг одного или нескольких экспериментально доказанных фактов создается множество теорий или гипотез, которые полемизируют друг с другом. К сожалению, поэтому мало исследованному кругу проблем в отечественной философии слишком мало разработок. Да и в Центре методологии и этики науки ситуация такая же.

Ю.М.: *А что Вы скажете по поводу биоэтики? Вы поддерживаете усилия Б.Г. Юдина и его коллег в направлении ее развития?*

А.П.: Я занимался биоэтикой. Она основывается на равноправных отношениях врача и пациента. Псевдодемократические принципы прилагаются в ней к процессу врачевания. В биоэтике отрицается компетентность врача в излечении болезней пациента. И все из-за стремления отказаться от привилегии врача на медицинские знания. Заслугой биоэтики были поиски нового определения смерти человека, создание этических комитетов в больницах и госпиталях.

Ю.М.: *Не считаете ли Вы биоэтику псевдонаукой?*

А.П.: К этике вряд ли приложимы критерии научности. В целом биоэтика – американское предприятие, которое на нашей почве никогда не приживется, а если и приживется, то с такими деформациями, которые коснутся ее сути. Думаю, что к традициям России и русской философии ближе всего находится та этическая концепция «любви к жизни», которую выдвинул наш отечественный биолог Д.П. Филатов.

Ю.М.: *Как Вы считаете, профессиональная философия в России умирает? Или у нее все же есть будущее?*

А.П.: На днях я получил книгу из Ханты-Мансийска. Е.А. Санин написал книгу «Трансцендентализм и историчность в феноменологии Гуссерля». Первое впечатление об этой книге хорошее. Почему она издана так далеко и дошла ли она до центральных библиотек – не знаю. Во всяком случае, и в далеких от центра городах и весях выходят добротные книги. Для меня это свидетельство того, что философский импульс не исчез в России, что несмотря ни на что существуют квалифицированные исследователи. Приведу и другой пример: в Томском университете сформировалась группа исследователей и переводчиков работ современных неопозитивистов. Конечно, от исследования до книги – большая дистанция. Но меня радует, что такие люди имеются.

Ю.М.: *То есть Вы готовы поддержать усилия периферийных авторов? Но почему молчит философское общество? У нас есть РФФ.*

А.П.: Я не знаю всех трудностей издания результатов исследований на периферии. Могу лишь предположить, сколь они тяжелы. Я стараюсь следить за тем, что происходит в «глубинке». Так, на окраине России издали хорошую книгу о крупном мыслителе XX века. Я прочитал ее, нашел какие-то неожиданные авторские ходы. Лично я не знаком с автором, но, прочитав книгу, хочу ее поддержать. Если в столь

далеком городе России издано такое монографическое исследование, то это означает, что уровень исследований еще до конца не упал.

Ю.М.: *А Вы можете сказать, кто сегодня находится в лидерах философии в региональном российском масштабе?*

А.П.: Лидером был до своей смерти Владимир Вениаминович Бибахин, имя которого вы не встретите ни в одном словаре по русской философии. Он старался быть незаметным, и мне кажется, что он до сих пор сохраняет лидерство в гуманитарном знании вообще. Также можно назвать М. Эпштейна, хотя он во многом экстравагантен и эпатажен. Э.Ю. Соловьев, занимающийся философией И. Канта, В. Куренной, который применяет социологию к развитию философии, в частности, немецкой философии. Главное – не мешать развитию философии, поддерживать философов, предоставляя им командировки за рубеж и т.д.

Ю.М.: *А старшее поколение уже выдохлось? Где же найти столько молодых исследователей?*

А.П.: Я, к примеру, уже выдохся. Делаю все уже с большим трудом. Статью, которую Вам отдал, писал месяца четыре.

Ю.М.: *Кого Вы можете назвать из «периферийных» философов среднего поколения?*

А.П.: Я был недавно в Самаре, где есть Академия гуманитарной культуры. Там работает В.Л. Лехциер – талантливый исследователь французского постмодернизма. Там же в Самаре работает семинар под руководством профессора В.А. Конева. В новосибирском Академгородке работает Т. Вольф, которая занимается влиянием иранской философии на античную мысль. Да многих еще. Я просто не всех знаю.

Ю.М.: *А как Вы думаете, в Институте философии РАН есть свои лидеры? И как у нас обстоит дело с представленностью разных поколений?*

А.П.: Об этом чуть позже. В подготовке философских кадров института упущены два поколения молодежи. Приходят молодые люди, плохо подготовленные по философии, не знают последних достижений науки. Все приходится объяснять на пальцах.

Ю.М.: *Получается так, что надежды Вашего поколения ничем и никем не оправданы. Ведь нет настоящих продолжателей Вашего дела, достойных Вас учеников, которые могли бы составить костяк научной философской школы.*

А.П.: Я говорил про себя. Но допустим, в Самаре у В.А. Конева есть философская школа, проходит семинар по различным аспектам гуманитарной культуры. Они уже выпустили четыре сборника на основе этих обсуждений. В Институте философии, к сожалению, этого нет. Мы говорим что-то на семинарах, и все в пустоту. Может быть, что-то изменится после создания своего «Философского журнала». Пока все сказанное на различных семинарах, исчезает и не остается в архивах отечественной философии. Для того, чтобы этого не происходило, мы в нашем Центре организовали электронный журнал «Vox» (шеф-редактор проф., д.филос.н. С.С. Неретина), в котором публикуются как оригинальные статьи, так и материалы обсуждений на семинарах Центра.

Ю.М.: *В нашем институте работает несколько сот сотрудников. Из них примерно 40-50 человек (могу ошибиться) – люди Вашего поколения, если возрастные границы одного поколения определить в 15-20 лет. Что же будет дальше? У Вашего поколения совсем или практически нет достойных последователей. Что меня волнует по большому счету, так это вопрос о ближайшем будущем Института, то, чтобы во главе (или внутри)*

каких-то направлений современной философии работали такие представители среднего и младшего поколения, которые оказались бы способны продолжить дальше начатое Вами дело. Ведь Ваше поколение сделало очень многое в философии и для философов.

А.П.: Вынужден с Вами согласиться. Когда я еще был заведующим отделом, то написал письмо на имя В.С. Степина и А.А. Гусейнова, где описал плохое состояние с кадрами в нашем отделе. Перечислил пять специальностей, по которым нужны исследователи в Отдел, – генетика, современная космология и теоретическая физика, ряд математических теорий (теории множеств, нестандартного анализа и др.). К сожалению, таких кадров не нашлось. Для того, чтобы исследования философских проблем естествознания были современны, такие специалисты нам крайне нужны.

На Ученом Совете нужно заслушивать молодых ученых, аспирантов, докторантов и т.п. И для них это важно, да и для нас небесполезно. Конечно, научные кадры стареют. Стареют и кадры в нашем Институте. Многие из нас уже пенсионного возраста.

Ю.М.: *Но прежде чем уходить на заслуженный отдых, хотя я лично сомневаюсь, что Вы когда-нибудь это сделаете, нужно успеть передать свой опыт последователям.*

А.П.: Передавать есть что, но передавать некому. Для нашей философии потеряны два-три поколения, хотя вдруг встречаются перспективные молодые люди, интересующиеся философией и нередко знающие больше меня.

Ю.М.: *Вы замечательно сказали: «Передавать есть что, но передавать некому». Но ответственность тоже не нужно полностью с себя снимать. Я понимаю, что есть личные, экономические и другие причины, но есть еще известная доля бездействия Вашего поколения. На что Вы смотрите, на что надеетесь? Почивать на лаврах не удастся никому, ни Вам, ни нам. Вы еще не ушли из активного философского творчества, а мы и более молодое поколение еще не пришли в него.*

А.П.: Согласен с Вами. Хорошо бы на Ученом Совете обсудить состояние философских исследований в стране, определить те меры, которые надо принять для улучшения подготовки философских кадров. Может быть, это целесообразно сделать на Российском философском конгрессе. Нужно сделать все, чтобы поддержать талантливую философскую молодежь. Ее немного, но она есть. В качестве примера могу назвать Д. Смирнова – аспиранта С.С. Неретиной. Он – верующий, сотрудничает с православной энциклопедией. Исследует наследие Дунса Скота, его трактовку критерия очевидности. Этот критерий стал решающим при возникновении новоевропейской науки.

И напоследок о журнале

Ю.М.: *Время нашего интервью подходит к концу. В заключение хочу задать Вам вопросы о журнале ЛКО. Первый вопрос о планке, которую хотелось бы удерживать в нашем журнале. Что Вы пожелаете нам, чтобы удерживать высокую научную планку?*

А.П.: Этот вопрос требует более обстоятельного разговора. Думаю, что в нашем журнале было бы целесообразно подготовить серию статей о философских произведениях разных веков. Французы подготовили и издали энциклопедию «Философские творения и сюжеты». Редколлегия журнала сделала бы хорошее дело, если бы ознакомила своих читателей с наиболее значимыми философскими произведениями разных веков. Такого рода «Всемирная энциклопедия философских произведений» потребовала бы от нас чтения этих произведений, знания всех его изданий,

описания его интерпретаций. Французы издали шесть томов по истории всемирной философии, в том числе и по африканской, и по латиноамериканской. Вот это имеет смысл делать и нам.

Ю.М.: *Так что это – энциклопедия мыслей или энциклопедия произведений?*

А.П.: Разумеется, энциклопедия произведений. Историки литературы издали такую Энциклопедию. Это вполне конкретная и достаточно узкая задача. С помощью этого издания можно определить круг философского чтения, т.е. то, что интересовало читателей в тот или иной исторический период. Думать о той ситуации, в которой мы сейчас живем, философско-теоретической ситуации, надо всегда. Какие существуют философские теории, которые меня в чем-то интересуют? Прежде всего, я назвал бы концепцию коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Она приложима и к отношению науки с техникой и со средствами массовой информации. Я имею в виду так называемую STS теорию (Science-Technology-Society), сетевой подход к функционированию и развитию науки.

Ю.М.: *То есть Вы предлагаете дать исторический обзор социальных теорий разных эпох, произвести их ревизию, посмотреть то, насколько они применимы сегодня и какие новые познавательные возможности открывают?*

А.П.: Именно так. Но теории не только социальные, но и философские, социологические, политические и т.д. В антропологии я не вижу нового движения, хотя существовала антропология науки, т.е. приложение этнографии к изучению научных групп. Надеюсь, объединение социологии и философии, которое стало очевидным в социальной философии науки, принесет новые и оригинальные результаты. Такое объединение началось вместе с включением в философию науки понятия научного сообщества, а в философии еще раньше – вместе с поворотом феноменологии к анализу интересубъективности, который нередко смешивают с анализом объективности, а на деле является сменой подхода к науке, переходом от трансцендентализма к коммуникативной рациональности. Об этом я уже писал в Вашем журнале в прошлом году в статье об интересубъективности.

Ю.М.: *Александр Павлович! Огромное Вам спасибо за содержательный и обстоятельный разговор. Я много чего из него почерпнул для себя. Надеюсь, и нашим читателям будет интересно познакомиться с некоторыми Вашими взглядами, которые Вы высказали в непринужденной обстановке.*